

## О СТИХОТВОРЕНИЯХ ПУШКИНА “СТАНСЫ” (“В НАДЕЖДЕ СЛАВЫ И ДОБРА ...”) И “ДРУЗЬЯМ”

© 2009 г. Н. И. Михайлова

Стихотворения Пушкина “Стансы” (1826) и “Друзьям” (1828) всегда вызывали острую полемику и разноречивые истолкования. В статье предпринята попытка уточнить – с учетом не привлекавшихся ранее источников – характер этих важнейших поэтических деклараций и смысл выраженной в них авторской позиции.

Pushkin's poems “Stanzas” (1826) and “To Friends” (1828) have always been a subject of dispute and had various interpretations. The paper in which a number of sources formerly neglected or untouched is taken into consideration is an attempt to clarify the character of these important statements and the author's position represented in them.

Стихотворениям Пушкина “Стансы” 1826 г. (“В надежде славы и добра...”) и “Друзьям” (1828) посвящена обширная научная литература. Не будет преувеличением сказать, что нет ни одной монографии о жизни и творчестве Пушкина, ни одной статьи о его возвращении в Москву из Михайловской ссылки, где так или иначе не шла бы речь об этих стихотворениях. Без их осмысления не представляется возможным изучение общественно-исторических взглядов Пушкина в начале николаевского царствования, в переломную эпоху, когда после разгрома восстания декабристов определялся дальнейший исторический путь России, судьбы многих людей, судьба самого поэта.

Внимание исследователей провоцировалось большим общественным резонансом, вызванным и аудиенцией, данной Пушкину Николаем I 8 сентября 1826 г. в Чудовом дворце московского Кремля, и стихами Пушкина, которого обвиняли в измене прежним идеалам, в лести, “ласкательстве” перед государем. Известно, сколь резкое неприятие вызвали “Стансы” у декабристов. Со скрытым осуждением поэта выступил и П.А. Катенин, опубликовавший стихотворение “Старая быль”. Справедливость такого рода обвинений и сегодня является предметом дискуссии.

Действительно, почти одновременно со “Стансами”, где в первых же строках выражена, несмотря на омрачившие начало царствования Николая I казни мятежников, надежда на славу и добро для России в будущем, Пушкин пишет “Послание в Сибирь”, где речь идет о другой надежде – надежде на освобождение декабристов, “друзей, братьев, товарищей” поэта; говорится о том, что для России их “скорбный труд не пропадет”. Н.Я. Эйдельман полагал, что в данном случае “Пушкин продолжает, мучительно ошибаясь, экспериментируя, искать точный историко-художественный ответ о месте в

русской истории 14 декабря и сопутствующих событий. Его понимание истории, – его многосторонность – все глубже и – труднее” [1, с. 119]. Труднее и для исследователей, – позволим заметить мы.

Проблема идеологического соотношения чрезвычайно значимых для Пушкина стихотворений – “Послание в Сибирь” и “Арион”, где поэт заявляет о том, что он поет “гимны прежние”, а с другой стороны, “Стансы” и “Друзьям”, где декларируется “свободная хвала” царю, – была затронута и в дискуссии между Б.А. Бяликом, В.С. Непомнящим и Г.П. Макогоненко, развернувшейся на страницах “Вопросов литературы” [2, с. 114–175]. Ее участники были единодушны в отказе от обвинений Пушкина “в двоедушии” и даже “двурушничестве” [2, с. 160]. Они пытались снять видимое противоречие пушкинской позиции, настойчиво подчеркивали мотив милости к побежденным декабристам, общий для “Послания в Сибирь” и “Стансов” [2, с. 150], говорили о гражданском мужестве поэта [2, с. 175]. А С.А. Фомичев выдвинул даже предположение о более поздней датировке “Послания в Сибирь”, полагая, что это “развязывает узел” между “Стансами” и “Посланием в Сибирь”, ибо “при всех ухищрениях и разноречивых попытках объяснить возможность их одновременного возникновения <...> – это все же кажется невероятным” [3, с. 185]. На наш взгляд, не вполне проясняет названную проблему и работа И.В. Немировского, собравшего и проанализировавшего обширный историко-литературный материал, важный для понимания взаимоотношений Пушкина с Николаем I, а также для осмысления выраженного в “Стансах” исторического оптимизма поэта и высказанной в стихотворении “Друзьям” декларации независимого характера его творчества [4].

Не исключено, что ответ на эти спорные вопросы может быть найден в ходе дальнейших поисков, отправной точкой которых станет изначальный отказ от однозначных решений, уяснение сложности и многослойности пушкинских текстов, их художественно-смысловой целостности.

Действительно, выявление жанрово-стилистических особенностей обоих стихотворений, литературных традиций, сказавшихся во включенных в пушкинские тексты цитатах и реминисценциях, помогает осмыслить весьма важную для Пушкина проблему взаимоотношений поэта и власти, своеобразие решения темы Петра I, значимость мотива милости. Здесь следует указать на работу Д.Д. Благого, где речь идет о сказавшейся в стихотворениях “Стансы” и “Друзьям” ломоносовско-державинской традиции, где выявлены цитаты и реминисценции из “Слова похвального Петру Великому” и поэмы “Петр Великий” М.В. Ломоносова, од и стихотворений Г.Р. Державина, послания В.А. Жуковского “Императору Александру” [5, с. 116–170]. Наблюдения Д.Д. Благого были дополнены К.А. Осповатом [6]. В.А. Сайтанов указал на влияние вольтеровского жанра стансов на пушкинскую стихотворную систему, отметив, что “у Вольтера многие стансы обращены к королю и особам королевского дома” [7, с. 39]. Автор данной работы представил анализ жанровых особенностей похвального слова, присущих “Стансам” Пушкина [8, с. 145, 252–253].

Все сказанное свидетельствует о том, что стихотворения “Стансы” и “Друзьям” требуют дальнейшего изучения и заслуживают специального монографического исследования. Для начала предложим некоторые наблюдения и соображения о тематике, проблематике и поэтике обоих стихотворений и о восприятии их современниками поэта.

Прежде всего – о сопоставлении Николая I с Петром I. В заметке “Несколько добавочных замечаний о разговоре Пушкина с Николаем I 8 сентября 1826 года” Ю.М. Лотман выдвинул гипотезу о том, что именно поэт подсказал царю роль Петра I, которую Николай I продолжал играть впоследствии. При этом исследователь сослался на “Стансы”, полагая, что Пушкин и до создания этого стихотворения, по-видимому, размышлял о “сходстве положения Николая Павловича в 1826 году и Петра Алексеевича в 1698 году” [9, с. 368], когда казни омрачили начало обоих царствований. Психологическое обоснование этой гипотезы не кажется нам убедительным. Культ Петра I, который, как известно, утверждался Николаем I после его восшествия на престол, имел глубокие корни. Отец Николая I, Павел I, чтит своего прадеда Петра I, еще будучи наследником Российского престола. Как свиде-

тельствует дневник его гувернера С. Порошина, он желал следовать государю Петру Великому во всем, “почему он великим назван” [10, с. 229]. Очевидно, сама история подсказала Николаю I роль Петра I, и это осознавали его современники. В этом отношении несомненный интерес представляют воспоминания принца Евгения Вюртембергского “Моя поездка в Россию в 1825 году и Петербургский заговор”, где описан день 14 декабря 1825 года и следующая за ним ночь:

“Что за беспокойная ночь последовала за страшным днем! Дворцовая и Сенатская площади превратились в бивуаки, на которых расположилось несколько тысяч вооруженных солдат. Среди огней возвышалась величественная статуя великого виновника русского могущества. Если бы он мог взглянуть с того света на события этого дня, то был бы свидетелем преступления, угрожавшего гибели его созданию, и полюбовался бы величием души одного из своих правнуков, героическому поведению которого Империя была обязана спасением от неисчислимых бедствий. Таково было убеждение мое и всех, кто в этот день имел случай видеть Николая Павловича” [11, с. 120].

Любопытно, что приведенный выше текст может быть соотнесен с поэмой Пушкина “Медный всадник”: монумент великого императора оживает, когда стихия мятежа грозит разрушить империю, а стихия наводнения – созданный Петром город (в поэме бронзовый кумир “сидит на бронзовом коне”, а во время наводнения – “стоит <...> на бронзовом коне”). Что же касается того, кто первый уподобил Николая I Петру I, то, по предположению И.В. Немировского, это французский посол Лафероне, который в письме к графу Рибопьеру от 20 декабря 1826 года назвал нового русского государя “образованным Петром Великим” [4, с. 161]. (“Стансы” Пушкина были написаны двумя днями позже – 22 декабря 1826 г.). Впрочем, задолго до этого, а именно – в июльском 14 номере “Сына Отечества” за 1826 год, в стихотворении “На всерадостнейший день Священного коронования Его Императорского Величества Государя Императора Николая Павловича” – Е.В. граф Трегубов писал о том, что в новом императоре “зримы доблести” и Петра I:

Да будет Богом Он хранимый,  
Среди цветущих жизни дней.  
Ко благу нашему в Нем зримы  
Те доблести благих Царей,  
Петра Великого – правдивость,  
Екатерины – прозорливость,  
А Александра – кроткий дух... [12, с. 181].

Сравнение Николая I с Петром I находим и в приведенном И.В. Немировским стихотворении М. Суханова “Чувства Русского крестьянина при

Священнейшем Короновании Императора Николая Первого”:

Твердый доблестью, как Великий Петр,  
Он опорой Царству Русскому [4, с. 161].

Возможно, подобные сравнения есть и в других “коронационных” стихах, которые в полном объеме должны стать предметом специального изучения, что, несомненно, дополнит наши представления о литературном фоне пушкинских “Стансов”. Разумеется, для нас важна цель, которую преследовал Пушкин, сопоставляя Николая I с Петром I. В “Стансах” по существу была изложена программа нового царствования: в рассказе о “славных днях Петра”, о его самодержавном правлении речь шла о просвещении и милосердии, о трудах и воинских подвигах на благо “страны родной”. Эта программа в качестве высокого образца предлагалась новому царю Николаю I, к которому поэт обращался в заключительном четверостишии своего стихотворения:

Семейным сходством будь же горд;  
Во всем будь прашуру подобен:  
Как он, неумоим и тверд,  
И памятью, как он, незлобен [13, с. 40].

Сегодня, кажется, трудно усмотреть в приведенных стихах проявление верноподданнических чувств. Ссылки же исследователей на отклики современников, обвинявших Пушкина в лести, не всегда обоснованы. Так, в приведенных Н.Я. Эйдельманом воспоминаниях Д.Н. Завалишина (написанных много лет спустя, и, как известно, в некоторых подробностях неточных) говорится не о лести государю, а об изменении общественно-политических взглядов Пушкина, который «в то время, как писал нам послание (имеется в виду “Послание в Сибирь”. – Н.М.), писал стансы (“В надежде славы и добра”), в которых клеймил именем “буйных стрельцов” тех самых людей, которых прежде возбуждал к крайним революционным мерам (“Кинжал”) своими стихотворениями, возбуждавшим ненависть и презрение к правительству...” [1, с. 118]. Отзыв Н.М. Языкова о “Стансах” в его письме к брату А.М. Языкову от 20 ноября 1827 г. – “Стансы его слишком холодны” [14, с. 320] – вряд ли содержит обвинения в лести (холодная лесть – ?!). Куда более резок его отзыв о стихотворении “Друзьям”: “просто дрянь: этими стихами никого не выхвалишь, никому не польстишь” [1, с. 115]. Что касается “Старой были” Катенина, то она, скорее, была ориентирована на стихотворение “Друзьям”. Суждение же, высказанное П.А. Катениным о “Стансах” в письме к Н.И. Бахтину от 17 апреля 1828 г., представляется до сих пор не вполне проясненным: “О стансах С.П. (Саши Пушкина. – Н.М.) скажу Вам, что они, как многие вещи в нем, плутовские, то есть когда воеводы машут платками, коварный Еллин отыгрывается от либералов, перетолковав все на другой лад” [14, с. 371–372].

Между тем, заслуживает специального внимания записка М.Д. фон-Фока для А.Х. Бенкендорфа “О начале собраний литературных” – донос о вечеринке у О.М. Сомова 31 августа 1827 г. по случаю новоселья, где присутствовали А.А. Дельвиг, К.С. Сербинович, Н.А. Полевой:

“За ужином, при рюмке вина, вспыхнула веселость, пели куплеты и читали стихи Пушкина, пропущенные Государем к напечатанию. Барон Дельвиг подобрал музыку к Стансам Пушкина, в коих Государь сравнивается с Петром. Начали говорить о ненависти Государя к злоупотреблениям и взяточникам, об откровенности его характера, о желании дать России законы, и, наконец, литераторы до того воспламенились, что как бы порывом вскочили со стульев с рюмками шампанского и выпили за здоровье Государя. Один из них весьма деликатно предложил здоровье Цензора Пушкина, чтоб провозглашение имени Государя не показалось лестью, и все выпили до дна, обмакивая Стансы Пушкина в вино” [15, с. 70–71].

Литераторы, среди которых ближайший друг Пушкина А.А. Дельвиг, знакомые ему писатели и журналисты, восторженно обсуждают благие намерения государя, разделяют мысли, высказанные Пушкиным в его стихотворении, “причащаются” “Стансами”, обмакивая их в вино. Заметим, что при этом они заботятся о том, чтобы их тост за здоровье государя не показался лестью. Разумеется, подобная ситуация исключает истолкование ими “Стансов” как выражение лести.

На наш взгляд, толки о лести Пушкина по отношению к царю были вызваны его положением, которое оценивалось как положение особы, приближенной к императору (личная аудиенция у царя, продолжавшаяся не менее часа, – значительное событие в глазах подданных; царские милости, которыми был удостоен поэт – предмет слухов, сплетен, зависти), а также его бытовым поведением.

Так, А.Х. Бенкендорф сообщает Николаю I, что Пушкин “всюду говорит о вашем Императорском Величестве с благодарностью и глубочайшей преданностью” [14, с. 219]; 12 июля 1827 г. он же пишет государю, что 6 июля Пушкин “говорил в Английском клубе с восторгом о Вашем Величестве и понудил лиц, обедавших с ним, пить за здоровье Вашего Величества” [14, с. 283]. То есть, Пушкин, в отличие от своих собратьев по перу, опасавшихся быть обвиненными в лести, публично предлагает тост за царя. Разумеется, обвинения не замедлили последовать. Их опровержением и стало стихотворение “Друзьям”:

Нет, я не льстец, когда царю  
Хвалу свободную слагаю:  
Я смело чувства выражаю,  
Языком сердца говорю [13, с. 89].

Для осмысления стихотворений “Стансы” и “Друзьям”, как указывалось выше, существенны включенные в них цитаты и реминисценции. И.В. Немировский выявил неучтенную ранее возможную цитату в “Стансах” из письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву 19 декабря 1825 г.: “Новый император оказал неустрашимость и твердость” (речь идет о 14 декабря 1825 года) [4, с. 162]. У Пушкина – “неумолим и тверд”. Как справедливо полагает исследователь, это “конечно, свидетельствует не о формальном заимствовании, а об общности восприятия фигуры нового императора Пушкиным и Карамзиным” [4, с. 163–164]. Ученый приходит к выводу о том, что «“Стансы” показывают серьезные идейные движения Пушкина в сторону Карамзина» [4, с. 165]. Нельзя не согласиться с предположением И.В. Немировского, что Пушкин, вероятно, знал содержание письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву, в котором была дана оценка восставших 14 декабря 1825 г. как “безумных либералистов”, а самого события – как “нелепой трагедии”. В 1826 г., вернувшись из Михайловского в Москву, Пушкин встречался с И.И. Дмитриевым. И.И. Дмитриев присутствовал на чтении “Бориса Годунова” в доме П.А. Вяземского, а свою трагедию поэт посвятил памяти Н.М. Карамзина.

В свое время нами была выявлена в “Стансах” скрытая цитата из стихотворения И.И. Дмитриева [16]. Она может показаться частностью. Но это не так.

Сравним:

Семейным сходством будь же горд;  
Во всем будь прашуру подобен:  
Как он, неумолим и тверд,  
И памятью, как он, незлобен [13, с. 40].

Будь честен, будь умен, чувствителен, незлобен,  
Приятен, мил, – во всем будь маменьке подобен!  
[17, с. 164].

Приведенный текст И.И. Дмитриева – из стихотворения “К А.Г. Северино>й”, напечатанного в “Московском журнале” в 1791 г. Данные строки обращены к младенцу – сыну Анны Григорьевны Севериной, родившемуся в 1791 г. Дмитрию Петровичу Северину, ставшему впоследствии товарищем Пушкину по “Арзамасу”.

Стихотворение И.И. Дмитриева было хорошо известно и Пушкину, и его современникам. С 1803 г. оно неоднократно перепечатывалось в изданиях сочинений И.И. Дмитриева, причем не только в “исправленных и дополненных”, но и в “исправленных и уменьшенных”. В библиотеке Пушкина имела книга “Стихотворения Ивана Ивановича Дмитриева”, изданная в 1822–1823 гг. В первой части этого издания и был напечатан интересующий нас текст.

Цитата из И.И. Дмитриева в “Стансах” Пушкина представляется бесспорной: “Во всем будь маменьке подобен” – “Во всем будь прашуру подобен”. Вероятно, сама рифма “незлобен – подобен” позаимствована Пушкиным у И.И. Дмитриева. Объяснить, почему Пушкин цитирует в “Стансах” знакомого ему с детских лет поэта можно только гипотетически. Нельзя исключить бессознательное цитирование. Однако, включенная в пушкинский текст, цитата не может не влиять на его смысл и на его восприятие. “Цитата, – заметил О.Э. Мандельштам, – не есть выписка. Цитата есть цикада. Неумолкаемость ей свойственна” [18, с. 10]. Благодаря ей император предстает в роли дитяти, к которому поэт обращается с поучениями, вроде тех, что находим в шуточной стихотворной записи Пушкина в альбоме Павлуши Вяземского:

Душа моя Павел,  
Держись моих правил:  
Люби то-то, то-то,  
Не делай того-то.  
Кажись, это ясно.  
Прощай, мой прекрасный [13, с. 55].

Тем самым на пушкинский текст, освященный высокой ораторско-одической традицией, ложится иронический отсвет. Но можно ли расценивать эту цитату всего лишь как шутку Пушкина, по своему следовавшему здесь за И.И. Дмитриевым (“Старик, по старому шутивший / Отменно тонко и умно”, как написал о нем Пушкин в восьмой главе “Евгения Онегина”)? Здесь уместно вспомнить приведенное ранее суждение П.А. Катенина о том, что “Стансы” Пушкина – “плутовские”, ибо в них он “перетолковывает” “все на другой лад”. Действительно, иронический смысл, который обретают пушкинские стихи благодаря цитате из И.И. Дмитриева, отводит возможное обвинение автора “Стансов” в лести, свидетельствует о многозначности пушкинского текста. Тем самым устраняется отчасти и кажущееся противоречие между “Стансами” и “Посланием в Сибирь”.

В заключение приведем некоторые наблюдения над текстом стихотворения “Друзьям”. Одна из тем, связующих его со “Стансами”, – тема просвещения. Заявленная в “Стансах” – “Самодержавною рукой / Он смело сеял просвещение”, – она развернута в стихотворении “Друзьям”:

Он скажет: презирай народ,  
Глуши природы голос нежный.  
Он скажет: просвещения плод –  
Разврат и некий дух мятежный! [13, с. 90]

(В “Стансах” “он” – Петр I, в стихотворении “Друзьям” “он” – лукавый льстец, который “горе на царя назовет”).

Как известно, созданию стихотворения “Друзьям” предшествовала порученная поэту самим Николаем I работа над запиской “О народном воспитании”, за которую потом, как писал Пушкин,

кин, ему “вымыли голову”. В записке тема просвещения осмыслялась как весьма злободневная.

“Последние происшествия обнаружили много печальных истин, – говорилось в ней. – Недостаток просвещения и нравственности вовлек многих молодых людей в преступные заблуждения”. И далее: “... одно просвещение в состоянии удерживать новые безумства, новые общественные бедствия” [19, с. 43–44].

23 декабря 1826 г. А.Х. Бенкендорф в письме сообщил Пушкину:

“Государь Император с удовольствием изволил читать рассуждения ваши о народном воспитании и поручил изъявить вам высочайшую свою признательность.

Его величество при сем заметить изволил, что принятое вами правило, будто бы просвещение и гений служат исключительным основанием совершенству, есть правило опасное для общего спокойствия, завлекшее вас самих на край пропасти и повергшее в оную толикое число молодых людей. Нравственность, прилежное служение, усердие предпочесть должно просвещению неопытному, безнравственному и бесполезному” [20, с. 314–315].

Пушкин продолжил диалог с царем, включив в свое стихотворение, как давно замечено, цитату из письма А.Х. Бенкендорфа. Но, как мы помним, А.Х. Бенкендорф в письме передает Пушкину слова императора. Пушкин же эти слова отдает льстецу, приближенному к трону, обвиняя, таким образом, в лести тех, кто повторяет царю его же суждение о просвещении. Взгляды Пушкина на просвещение – иные, отличные от царя и его приближенных. Надобно было иметь смелость, чтобы высказать их в стихотворении, представленном для высочайшей цензуры. Не исключено, что Николай I узнал в тексте стихотворения собственные слова. Возможно, именно этим объясняется оскорбительное для Пушкина запрещение печатать стихотворение “Друзьям”, не возбраняющее, впрочем, его распространение.

Так был закончен диалог царя и поэта о просвещении, начатый, по-видимому, во время их беседы 8 сентября 1826 года, продолженный Пушкиным в “Стансах”, разрешенных венценосным

цензором к публикации, затем в записке “О народном воспитании”, при жизни ее автора не преданной тиснению, и в стихотворении Пушкина “Друзьям”, не допущенном императором в печать.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Эйдельдман Н. Пушкин. История и современность в художественном сознании поэта. М., 1984.
2. Вопросы литературы. 1985. № 7.
3. Фомичев С.А. Служение муз. О лирике Пушкина. СПб., 2001.
4. Немировский И.В. Опрометчивый оптимизм: историко-биографический фон стихотворения “Стансы” // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XVI–XVII. СПб., 2003.
5. Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина. М., 1967.
6. Основат Кирилл. Об одическом диптихе Пушкина: “Стансы” и “Друзьям” (материалы к интертекстуальному комментарию) // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999. М., 2001.
7. Сайтанов В.А. Прощание с царем // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 20. Л., 1986.
8. Михайлова Н.И. “Витийства грозный дар”. А.С. Пушкин и русская ораторская культура его времени. М., 1999.
9. Лотман Ю.М. Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки. 1960–1990. “Евгений Онегин”. Комментарий. СПб., 1995.
10. Песков А.М. Павел I. М., 1999.
11. Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000.
12. Сын Отечества. 1826. № 14.
13. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В 17 т. Т. 3. М.; Л., 1948.
14. Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина в 4-х томах. Т. 2. М., 1999.
15. Модзалевский Б.Л. Пушкин под тайным надзором. Л., 1925.
16. Михайлова Н.И. “Стансы” (“В надежде славы и добра...”). Из наблюдений над текстом // Болдинские чтения. Саранск, 2002.
17. Дмитриев И.И. Сочинения. М., 1986.
18. Мандельштам О.Э. Разговор о Данте. М., 1984.
19. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В 17 т. Т. 11. М.; Л., 1948.
20. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В 17 т. Т. 13. М.; Л., 1937.